

УДК 821.161.1
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-147-154>

АНОНИМНЫЕ ПОВЕСТИ О ПАРАШЕ СИБИРЯЧКЕ: К ВОПРОСУ О СЮЖЕТНОМ КОДЕ

Надежда Николаевна Пуряева^{1,2}

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, nadia_np@mail.ru

² Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, г. Шэньчжэнь, КНР

Аннотация

Введение. Нашумевшая в 1805 г. история Параша Луполовой (в источниках встречаются варианты написания Луполова, Лупалова, Лупулова, Лопулова. Автор статьи использует написание Луполова как наиболее частотное), дочери ссыльного, которая пешком дошла из Сибири в Петербург и испросила у Александра I милости для своего осужденного отца, послужила основой целого ряда литературных произведений. В первой половине XIX в. сложился устойчивый «парашин сюжет», который стал настолько популярен, что воспроизводился не только в авторских, но и в анонимных произведениях беллетристики последней четверти XIX в. В истории развития «парашинского сюжета» можно выделить, по крайней мере, два периода: становление (первая половина XIX в.) и модификация (конец XIX – начало XX в.).

Цель – ввести в научный оборот обнаруженные анонимные повести на «парашин сюжет», выявить взаимосвязь этих текстов, проследить изменение в них сюжетного кода.

Материал и методы. В качестве материала исследования взяты четыре анонимных повести на «парашин сюжет», относящиеся к последней четверти XIX в. В работе использованы сравнительно-сопоставительный, структурный методы, метод интертекстуального анализа.

Результаты и обсуждение. Относящиеся ко второму периоду развития «парашинского сюжета» анонимные повести обнаруживают тесную взаимосвязь на уровне текста, позволяющую сделать предположение о последовательности их появления. Сюжетный код каждой из повестей демонстрирует лакуны, или «пустые места», которые задают вектор развития сюжета в каждом последующем варианте.

Заключение. Анонимные повести на «парашин сюжет» представляют собой последовательный этап развития данного сюжетного кода, заключающийся в постепенной его деформации как на уровне сюжетных элементов, так и на уровне идейного содержания.

Ключевые слова: парашин сюжет, сюжетный код, сюжетология, Параша Сибирячка, Параша Луполова, А. С. Пушкин, «Капитанская дочка», Н. А. Полевой, Л. А. Чарская

Для цитирования: Пуряева Н. Н. Анонимные повести о Параше Сибирячке: к вопросу о сюжетном коде // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 4 (222). С. 147–154. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-147-154>

ANONYMOUS SHORT-STORIES ABOUT PARASHA SIBIRYACHKA

Nadezda N. Puryayeva^{1,2}

¹ Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russian Federation, nadia_np@mail.ru

² Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, PRC

Abstract

Introduction. A sensational story of Parasha Lupolova, the daughter of an exile, who in 1805 walked on foot from Siberia to St. Petersburg to ask Alexander I for mercy for her convicted father, served as a basis for a number of literary works. A *consistent plot* (we further refer to it as “*parasha’s plot*”) based on this true story was formed in the first half of the XIX century. Eventually it became so popular that it was reproduced not only in the author’s, but also in anonymous works of fiction of the last quarter of the 19th century. At least two periods can be singled out in the history of the development of the “*parasha’s plot*”: period of formation (first half of the XIX century) and period of modification (late XIX – early XX centuries).

Aim and objectives. Among the aims of the article are: to introduce into scientific circulation the discovered anonymous stories based on “*parasha’s plot*”; to study interconnections of these texts; to trace changes in the plot code of

these anonymous stories; and finally – to establish whether the patterns of plot development are universal for all so-called secondary texts, regardless of the source of their plot.

Material and methods. As material for the study, four anonymous stories on the “parasha’s plot” related to the last quarter of the 19th century were taken. The work uses comparative and structural methods, as well as the method of intertextual analysis.

Results and discussion. Anonymous stories based on the “parasha’s plot” reveal a close interconnection at the textual level, which suggests a sequence in which they emerged. The plot code of each of the stories demonstrates deformations or “empty spaces” (*lacunae*), which define the direction for the development of the plot in each subsequent version.

Conclusion. Anonymous stories which belong to the second period of “parasha’s plot” development represent its integral stage, which consists in its gradual deformation both at the level of plot elements and at the level of ideological content. At the same time, the modifications of the plot code in the anonymous stories confirm the regularities revealed in the analysis of the plot codes of the secondary texts regardless of their plot origin.

Keywords: “parasha’s plot”, plot code, *Parasha sibiryachka*, *Parasha Lypolova*, Alexander Pushkin, “The Captain’s Daughter”, Nikolai Polevoi, Lydia Charskaya

For citation: Puryayeva N. N. Anonimnye povesti o Parashe Sibiryachke: k voprosu o syuzhetnom kode [Anonymous Short-Stories about Parasha Sibiryachka]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 4 (222), pp. 147–154. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-147-154>

Введение

Исследование сюжетных кодов – одно из активно развивающихся направлений современного литературоведения. Сюжетные коды принято связывать прежде всего с конкретными авторами или произведениями: «онегинский» код [1], «печоринский» код [2], «дантов» код [3], «жуковский код» [4] и т. д. К настоящему времени разработано представление о структуре сюжетных кодов (понятия ядра и периферии [5]), выявлены закономерности изменения сюжетной фабулы во времени [6].

Статья посвящена выявлению закономерностей беллетристического сюжетообразования посредством анализа развития отдельного *сюжетного кода*. Теоретической базой данного исследования являются концепции интертекстуальности и сверткестов, сформулированные в работах Р. Барта [7], В. Н. Топорова [8], Н. Е. Меднис [9].

«Парашин код» (или «парашин сюжет»¹) [10], основой которого стала реальная история Парашы Луполовой [11], складывался в первой половине XIX в. в таких произведениях, как роман С. Коттен «Елисавета Л*, или Несчастья семейства, сосланного в Сибирь и потом возвращенного. Истинное происшествие» (1806, русский перевод в 1807) [12]; повесть К. де Местра «Молодая сибирячка» (1825, русский перевод в 1840) [13]; пьеса Н. А. Полевого «Параша Сибирячка» (1840) [14]. Сюда же можно отнести либретто одноименной оперы Д. Струйского, созданное на основе пьесы Н. А. Полевого в том же 1840 г.

Этот период (первая половина XIX в.) можно считать этапом становления «парашиного сюжета», в течение которого сложился устойчивый ком-

плекс фабульно-сюжетных мотивов: зафиксированная географическая локализация (путешествие из Сибири в Москву или Петербург), миссия героини (восстановить справедливость), постоянные сюжетные компоненты (эпизод с разбойниками, герой-помощник, торжество справедливости в развязке (монарх дарует милость)). Сюжет приобрел устойчивые черты и четкую структуру, что дает основания считать его *сюжетным кодом*.

Причины интереса французских авторов к истории Парашы Луполовой рассмотрены в исследованиях Е. П. Гречаной [15], В. Е. Багно [16].

Из перечисленных произведений первого этапа наибольший «импакт» для русской ветви «парашиного сюжета» имела пьеса Н. А. Полевого. Она пользовалась продолжительным успехом и шла в столичных и провинциальных театрах до конца XIX в., что способствовало распространению и популяризации «парашиного» сюжетного кода.

«Парашин сюжет» получил дальнейшее развитие и в западно-европейских литературе и искусстве. Об этом см., например: [17, 18].

Свидетельство того, сколь прочно история Луполовой вошла в круг дидактических сюжетов для детей, находим в романе Е. А. Тур «Княжна Дубовина» (1886). Для главной героини, юной княжны Анны, Параша – безусловный нравственный ориентир в ее собственных жизненных перипетиях, а история ее сверстницы-сибирячки – самая любимая: в романе описывается, с каким нетерпением княжна ждет театрального представления пьесы Н. А. Полевого. Таким образом, к концу XIX в. «парашин сюжет» стал прецедентным и воплощал пример нравственного подвига дочерней любви.

Цель статьи – проследить изменение сюжетного кода в анонимных повестях, содержащих «парашин сюжет», а также прояснить, являются ли зако-

¹ Понятия «сюжетный код» и «устойчивый сюжет» используются в статье в качестве синонимов.

номерности развития сюжетных кодов универсальными, т. е. распространяются ли они не только на сюжеты, восходящие к произведению или автору, но и на сюжеты, имеющие иное происхождение.

Материал и методы

В качестве материала для анализа используется «парашин сюжет» и его бытование в анонимных повестях последней четверти XIX в. В статье они собраны и проанализированы впервые. В работе использованы сравнительно-сопоставительный, структурный методы, метод интертекстуального анализа.

Результаты и обсуждение

Дидактичность «парашиного сюжета» и успех пьесы Н. А. Полевого способствовали его востребованности в беллетристике последней четверти XIX – начала XX в. Примерно в 1870–1890-е гг. появилось, по крайней мере, четыре анонимных повести на этот сюжет, вышедшие в дешевых популярных изданиях: «Параша-Сибирячка. Историческая повесть» (Киев, издательство Т. А. Губанова, [19]) (далее – вариант 1); «Параша-Сибирячка, или Несчастный „ох!“, а за несчастного – Бог. Русская народная историческая былина из времен царствования императора Александра I-го» (Москва, издательство Е. А. Губанова [20]) (далее – вариант 2); «Параша-Сибирячка, или До Бога высоко, а до царя далеко. Историческая русская былина из времен царствования императора Александра I» (Москва, издательство А. и В. Абрамовых [21]) (далее – вариант 3); «Параша Сибирячка. Роман в четырех частях из времен Екатерины Великой» (Москва, т-во И. Д. Сытина [22]) (далее – вариант 4).

Сюжет получил развитие и в авторских произведениях – например, повестях А. Е. Салиас «Моряша сибирячка» и Л. А. Чарской «Сибирочка».

Этот период (с последней четверти XIX в. до 1917 г.) можно считать вторым этапом развития «парашиного сюжета».

Затруднительно установить точное время создания каждой из рассматриваемых анонимных повестей. Однако сопоставительный анализ текстов показывает их тесную связь, которая позволяет сделать предположение о последовательности их появления относительно друг друга. Данная гипотеза положена в основу предложенной ниже нумерации вариантов.

Вариант 1 представляет собой авантюрную версию сюжета. В нем введена довольно подробная предыстория событий (карточный долг отца и ложное обвинение в убийстве), которая существенно расходится с известными фактами биографии реальной Луполовой, однако совпадают с фабулой

пьесы Н. А. Полевого. В целом в этом варианте заметно значительное влияние текстов К. де Местра и Н. А. Полевого, что, однако, не исключает появление новых, ранее не встречавшихся сюжетно-фабульных элементов. Так, приводится портрет героини, имеющий потенциал для любовно-авантюрного поворота сюжета: «А Параша росла меж тем, из девочки расцветая в пышную красавицу-девушку, умницу, рукодельницу не по летам» [19, с. 20]. Однако далее в тексте ее внешность нигде не описывается и сюжетно не используется. Анонимный автор вводит еще один новый сюжетный элемент – сон Параша, в котором она видит свою встречу с императором и успешный исход своего путешествия. Сон выполняет функцию решающего аргумента в пользу путешествия героини. С другой стороны, в повести опущен значимый для идейной стороны сюжета эпизод с разбойниками, который присутствовал и у С. Коттен, и у К. де Местра. Остальные фабульные элементы, присущие «парашиному коду», сохраняются.

Таким образом, пользуясь классификацией Р. Г. Назирова [6], в отношении варианта 1 можно говорить о свободном переложении (парафразе) и сокращении фабулы (редукции), а также включении в нее новых элементов (инклюзии).

Еще одна черта модификации фабулы – изменение места действия и его менее конкретная временная привязка. Маршрут Параша в варианте 1 – *Ишим – Камышев – Екатеринбург – Нижний Новгород – Москва*. Изменившаяся география является контаминацией произведений К. де Местра и Н. А. Полевого, а также нововведений автора. Что касается временной локализации сюжета, события происходят во времена Александра I, однако в этом варианте не приводится ни одной точной даты.

В целом в варианте 1 по сравнению с «парашиным сюжетом» в том виде, в котором он сложился в первой половине XIX в., наблюдается довольно заметная деформация сюжетного кода, а дидактическая тональность текста становится менее выраженной, чем в произведениях первого периода.

Последнее отчасти компенсируется иллюстрацией на обложке издания. Зачастую характерной частью оформления дешевых изданий являлась иллюстрация на обложке или титульном листе, отражавшая кульминационный эпизод сюжета и выступавшая как визуализированная аннотация к тексту. В данном случае иллюстрация на обложке (группа фигур, в том числе родители Параша, собравшиеся у постели умирающей) напоминает распространенный иконографический сюжет усновения. Таким образом, акцент смещен на праведную кончину героини, как бы компенсируя некоторую развлекаемость текста.

Варианты 2 и 3 тесно связаны между собой на уровне текста. В качестве примера сопоставим фрагменты, описывающие жизнь Параша с родителями.

Из варианта 2: «Получая ничтожное жалованье, достаточное только для скудного дневного пропитания, каких-нибудь копеек десять в сутки, отец ее не мог нанять прислуги, и молоденькая дочь должна была нести все заботы по хозяйству: мыть белье, готовить кушанье, ходить за огородами и проч.; мать ее, убитая горем и уже немолодая, не могла заменить ее. Но Параша с христианской покорностью переносила тяжесть своего положения; она сведалась с нуждою и горем, и конечно, навсегда готова была покориться своей участи...» [20, с. 11–12].

Из варианта 3: «Получая ничтожное жалованье, достаточное только для скудного дневного пропитания, каких-нибудь копеек десять в сутки, отец ее не в состоянии был нанимать прислугу, и молоденькой дочери, заботливо лелеянной им до настоящего времени, приходилось принять на себя все заботы и попечения о хозяйстве: мыть белье, готовить кушанье, ходить за огородами, присматривать и вести хозяйство и прочее. Мать ее, убитая горем и уже немолодая, не могла заменить ее. Она и без того была слабого здоровья, несчастье окончательно повлияло на ее слабую натуру и она впала в какое-то нравственное умопомрачение. Жизнь тяжелым гнетом налегла на страдалицу, и мало было минут отрады, и то в церкви, когда телом и душой преклонялась она перед Богом, ниспославшим ей тяжелое испытание. Параша с христианской покорностью переносила тяжесть своего положения; несмотря на молодые, неопытные годы она сведалась уже с нуждою и горем, и конечно, навсегда готова была покориться своей участи» [21, с. 19–20].

В варианте 3 наблюдается расширение текста за счет более подробных описаний, введения авторских рассуждений, а также включения поэтических текстов, видимо, тоже принадлежащих перу самого автора. Например:

из варианта 2: «Светлый образ Лупуловой с ее нежной привязанностью к своим родителям, христианской преданностью Божественному промыслу и непреклонной твердостью воли в перенесении несчастий (так редко встречающуюся в ее возрасте) видится во всех обстоятельствах, рассказанных в этой книге и навеивает отрадную и тихую думу на душу читателя.

Прасковья Григорьевна Лупулова родилась в городе Елизаветграде Херсонской губернии...» [20, с. 7–8];

из варианта 3: «Светлый образ Лупуловой с ее нежной привязанностью к своим родителям, хри-

стианской преданностью Божественному промыслу и непреклонной твердостью воли в перенесении несчастий (необыкновенной в ее нежном возрасте) видится во всех обстоятельствах, рассказанных в этой книге и навеивает отрадную и тихую думу на душу читателя.

Устала думать и страдать

Глухой тоской, тоской по воле...

Ах, что б мне сделать, чтоб унять

Души мученья, сердца боли!

Прочтя эту книгу, невольно удивляешься Лупуловой. Сколько приходилось ей выстрадать в жизни и какое должна была она иметь терпение, чтобы с покорностью перенести годы испытаний и притом в ее далеко не опытные, молодые годы. Пример ее поистине и трогателен, и назидателен!

Прасковья Григорьевна Лупулова родилась в городе Елизаветграде Херсонской губернии...» [21, с. 15].

Сопоставление вариантов 2 и 3 выявляют небольшие фактические расхождения, например, в варианте 2 французский автор назван «...гр. Ксавье де-Метра» [20, с. 6], а в варианте 3 – «граф Квасье де Метра» [21, с. 14]; в варианте 2 годом начала ссылки отца Лупуловой указан 1798 г. [20, с. 8], а в варианте 3 – 1799 г. [21, с. 16]. Эти расхождения вызваны, вероятно, погрешностями при переписывании или наборе текста, различий же на уровне фабулы, а также трактовки истории Лупуловой не наблюдается. Таким образом, текст варианта 3 – это расширенный, литературно доработанный текст варианта 2.

Вариант 3 больше по объему, его текст разделен на 5 глав, каждой из которых предпослан эпиграф, поэтический или прозаический. Единственное композиционное различие – авторское отступление, посвященное Сибири, которое в варианте 2 помещено ближе к концу текста [20, с. 24–27], а в варианте 3 вынесено в главу 1 и существенно расширено [21, с. 6–11]. Автор варианта 3 составляет обширную компиляцию из различных источников, в которых упомянута Сибирь, начиная с текста конца XVI – начала XVII в. «Сказание о человецех незначимых на восточной стране и о языцех разных» и заканчивая разнородными текстами XIX в., среди которых переписка М. М. Сперанского с дочерью, сочинения некоего г. Герсеванова, а также фрагменты, приведенные без ссылки на источники. Автор варианта 3 сетует на отсутствие полноценного исторического описания Сибири, отмечая, что лишь в последнее время стали появляться «живые и интересные статьи о Сибири гг. Потанина, Д. Завалишина, Максимова и других» [21, с. 12].

Тексты Коттен, Местра и Полевого упомянуты в обоих вариантах¹, при этом особо выделена повесть Местра: «Советуем прочесть ее, если она попадет вам в руки: по истинности происшествия, рассказанного в ней она может составить приятное чтение» [20, с. 6–7].

Как уже было сказано выше, фабула вариантов 2 и 3 полностью совпадает. Довольно подробно изложена предыстория событий (сообщается дата рождения героини – 1784 г.; отец – венгр на российской военной службе, разжалованный и сосланный за неизвестное преступление), особенностью повествования является установка на фактографичность. Указанное в повести время действия совпадает с историей реальной Параша Луполовой, хотя приведенные факты – результат вольной трактовки предыстории, изложенной у Местра, а также немногой информации, известной о Луполовой по журнальным и газетным заметкам 1805–1806 гг.

В повествовании отсутствует описание самого путешествия, однако можно проследить маршрут: *Ишим – Екатеринбург – Вятка – Казань – Петербург*. В столицу героиня прибывает 5 августа 1804. Далее сообщается, что император Александр I простил ее отца и наградил саму Парашу (2 тысячи руб.). В отличие от произведений Коттен и Полевого, встреча с императором не описана, т. е. в этом автор следует за версией Местра. Затем читатель узнает, что героиня ушла в монастырь новгородской епархии, где умерла в декабре 1809 г.

Отсутствие описания путешествия влечет за собой опущение, как и в варианте 1, эпизода с разбойниками.

Как и в произведениях первого периода, в вариантах 2 и 3 нет портрета героини, приводится лишь ее характеристика: «Вообще Лупулова держала себя чрезвычайно скромно и осторожно, но без всякой застенчивости; в речах ее не было изысканности, но виден был природный и здравый ум и смысл» [21, с. 35]. Наиболее показательным является речевой портрет Параша, представленный в катехизисной форме. Так, на расспросы, как она не побоялась подобного путешествия, героиня отвечала: «А чего мне бояться? Я уверена, что Господь Бог не оставит меня; я считала себя, как и была на самом деле, несчастною, а подобные

всегда возлагают надежду на Господа» [21, с. 34]. На похвалы себе отвечала: «За что же тут хвалить меня? Разве дочь не должна терпеть за родителей?» [21, с. 34–35]; на вопрос, за что сослали отца – «родители никогда не могут быть виновны в глазах своих детей» [21, с. 35].

Среди модификаций фабулы в варианте 2 можно отметить ее сокращение (редукцию) и незначительное изменение места действия; остальные сюжетные элементы сохранены.

Примечательно, что почти полностью совпадают и иллюстрации на обложках вариантов 2 и 3: они изображают оставленный за рамками повествования эпизод встречи с императором.

В целом оба варианта более точно воспроизводят «парашин код» в том виде, в которой он сложился в первой половине XIX в., при этом имеют явную установку на фактографическую достоверность. Стиль повествования ближе к публицистическому, чем к художественному.

Особняком стоит вариант 4, сюжет которого представляет собой контаминацию с фабулой романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка». О влиянии истории Параша Луполовой на замысел «Капитанской дочки» А. С. Пушкина см. [23, 24].

В варианте 4 изменены время и место действия: события перенесены во вторую половину XVIII в. (1766–1776 гг.) и разворачиваются преимущественно в Оренбургской губернии (*крепость Каменная – Оренбург – Ишим*), затем в Петербурге.

Текст романа разделен на 4 части, в свою очередь подразделенные на главы со сквозной нумерацией – их 19. Названия глав в некоторых случаях совпадают или явно навеяны названиями в романе «Капитанская дочка», например: глава III – «Крепость»; глава VI – «Первая любовь»; глава XII – «Осада».

В этой версии повествования отец Параша – Григорий Федорович Лопулов – капитан пехотного полка, едет к новому месту назначения комендантом крепости Каменная, одной из крепостей в Оренбургской губернии на границе с киргизской степью. Завязка, развитие сюжета и развязка, а также система персонажей в значительной степени повторяют схему пушкинского романа. При этом Лопулов совмещает сюжетные «позиции» Петра Гринева и Ивана Кузьмича Миронова. Его супруга – Мария Егоровна – до известной степени повторяет черты характера Василисы Егоровны. В сюжет введен верный товарищ-слуга – капрал Петр, «аналог» Савельича; гарнизон крепости, как и в «Капитанской дочке», составляют старики (есаул Иван Иваныч, поручик Карп Карпыч), а также сосланный за дуэль прапорщик Семеновского полка Владислав Станиславович Потоцкий. Образы Потоцкого и Швабрина имеют сходную предысторию:

¹ «Участь этой девицы возбудила живое участие тогдашнего общества: о ней писали почти во всех европейских журналах. Французская писательница Котен написала роман под названием «Елизавета, или пример детской любви», заимствовав содержание его из жизни и приключений Луполовой; Полевой составил драматическое произведение «Параша Сибирячка», несколько раз игранное на сцене и всегда трогавшее русскую публику до слез; г. Ксавье де-Метра изложил историю Луполовой в простом рассказе без преувеличений под заглавием «Молодая сибирячка» [20, с. 5–6].

столичная светская жизнь, ссылка за участие в дуэли. В разворачивающихся событиях романа Потоцкий позиционируется как вполне положительный герой настолько, что отношения между ним и дочерью Лопулова Парашей составляют любовную линию романа.

Сюжетная линия, связанная с Пугачевым, повторяет пушкинский текст: начинается со встречи в степи (правда, Лопулов в благодарность дарит незнакомцу не заячий тулуп, а халат), затем продолжается уже после захвата крепости мятежниками, когда Пугачев старается склонить Лопулова на свою сторону. После подавления восстания Лопулова привлекают к суду за вызвавшую подозрение снисходительность Пугачева к нему, осуждают и ссылают в Ишим. Суд происходит в Оренбурге, где в то же самое время снимают наказание с Потоцкого, который теперь может вернуться в Петербург. Он предлагает Параше ехать с ним, однако верная чувству долга перед родителем она следует за отцом. С этого момента (глава XVII «Самоотречение» [22, с. 198–203] и глава XVIII «Геройство сибирячки» [22, с. 204–209]) текст варианта 4 почти дословно повторяет вариант 3 с небольшими изменениями: смягчен религиозный пафос. Параша отправляется из Ишима в Петербург, при этом путешествие, как и в варианте 3, подробно не описано.

Затем повествование вновь возвращается к сюжетной схеме «Капитанской дочки»: в конце сентября 1776 г. героиня случайно встречает императрицу в Летнем саду и подает ей прошение о помиловании отца. Императрица разбирает дело (3 дня), милует, дарит 2 тысячи рублей. Лопуловы решают поселиться в Твери, родители через некоторое время умирают, а Параша уходит в монастырь тверской епархии. В финале романа сообщается, что Потоцкий, приехав в Петербург, через год женился на другой.

Примечательно, что на иллюстрации обложки, как и в вариантах 2 и 3, отражен эпизод встречи с монархом, в данном случае – Екатериной II.

В варианте 4 отсутствуют прямые отсылки, а также аллюзии на тексты-предшественники, использовавшие «парашин сюжет», за исключением уже упоминавшегося цитирования варианта 3.

В целом вариант 4 является, видимо, самым поздним и представляет собой уже переосмысленную версию «парашиного сюжета». Его отличают замена места действия и исторического фона, пе-

реакцентировка и замена развязки, редукция фабулы и ее смешение с другой фабулой (фузия). Собственно «парашин код» составляет небольшую часть фабулы: 2 полные главы из 19, а также фабульные элементы (уход героини в монастырь) в заключительной главе.

Дидактический пафос текста значительно снижен, повествование имеет в значительной степени авантюрно-развлекательный характер.

Заключение

Сопоставление текстов четырех анонимных повестей дает основание для следующих выводов:

Рассматриваемые повести обнаруживают тесную взаимосвязь как на уровне текста, так и по степени деформации сюжетного кода. Лакуны в сюжетном коде более раннего варианта задают вектор развития каждого последующего.

Вариант 1, видимо, является наиболее ранним. Он в значительной степени опирается на тексты Местра и Полевого и передает несколько сокращенный вариант сюжетного кода, а повествование имеет авантюрный характер.

Варианты 2 и 3, имеют установку на восполнение искажения, что объясняет нацеленность повествования в них на фактографическую точность. Эти варианты наиболее близки к «парашиному сюжету» в том виде, в котором он сложился на первом этапе своего развития. Повествование в них ближе к публицистике.

Наконец, вариант 4 предлагает иной вектор развития сюжета: к последней четверти XIX в. «парашин сюжет» уже осознавался как прецедентный, и его дальнейшее развитие двинулось в сторону слияния с другими литературными сюжетами, в данном случае устоявшаяся фабула «парашиного сюжета» соединилась с другой устоявшейся фабулой – «Капитанской дочки».

Дидактический пафос «парашиного сюжета» последовательно снижается от варианта 1 к варианту 4.

Таким образом, особенностью второго периода развития «парашиного кода» является тенденция к его деформации как на уровне сюжетных элементов, так и на уровне идейного содержания. Этот вектор стал определяющим в дальнейшем развитии «парашиного сюжета» уже в авторских текстах массовой литературы конца XIX – начала XX в. – произведениях Е. А. Салиас и Л. А. Чарской.

Список источников

1. Пономарева А. А. Онегинский код в беллетристике 1850-х годов: к постановке вопроса // Сибирский филол. журнал. 2015, № 3. С. 99–105.
2. Пономарева А. А. Литературные сюжетные коды в беллетристике 1850-х годов // Вестник Псковского гос. ун-та. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2017. № 6. С. 65–73.
3. Силард Л. Дантов код русского символизма // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб, 2002. С. 162–205.

4. Анисимова Е. Е. «Душа морозная Светланы – в мечтах таинственной игры»: эстетические и биографические коды Жуковского в рассказе Бунина «Натали» // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Филология. 2011. № 2 (14). С. 78–84.
5. Николаева Е. Г. Элементы кода повести Пушкина «Пиковая дама» в творчестве Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007. 207 с.
6. Назиров Р. Г. Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1995., 46 с.
7. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М., 1989. 616 с.
8. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб., 2003. 612 с.
9. Меднис Н. Е. Сверхтексты русской литературы. Новосибирск, 2003. 170 с.
10. Пуряева Н. Н. Об одном источнике сюжета повести Л. А. Чарской «Сибирочка» // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Т. 28, № 1. С. 99–106.
11. Савченкова Т. П. Ишим и литература. Век XIX. Очерки по литературному краеведению и тексты-раритеты. Ишим, 2004. 312 с.
12. Коттен С. Елисавета Л*, или Несчастия семейства, сосланного в Сибирь и потом возвращенного: Истинное происшествие / Соч. г-жи Готтень. М., 1807. 12 (14 см). 93 с.
13. Ксаверий Местр. Молодая сибирячка: Истинное происшествие, пер. с фр. А. Попова, СПб., 1840. 141 с.
14. Полевой Н. А. Параша Сибирячка // Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого: Ч. 1–4. СПб., 1842. Ч. 1. 436 с.
15. Гречаная Е. П. Литературное взаимовосприятие России и Франции в религиозном контексте эпохи (1797–1825). М., 2002. С. 186–192.
16. Багно В. Е. Русская тема и русские темы в зарубежной художественной литературе (опыт систематизации) // Русская литература. 2019. № 3. С. 22–30.
17. Груцынова А. П. «Из Сибири в Москву»: русская история в датском переводе // Альманах современной науки и образования. 2013. № 3 (70). С. 48–51.
18. Шигаева Е. Ю. «Сибирская» опера Доницетти // Израиль XXI. Музыкальный журнал. 2018. № 1 (63). С. 1–8.
19. Параша-Сибирячка: Историческая повесть. Киев: Т. А. Губанов, 1899. 108 с.
20. Параша-Сибирячка, или Несчастный «Ох!», а за несчастного – Бог: Русская народная историческая былина из времен царствования императора Александра I-го. Москва: Издание книгопродавца Е. А. Губанова, 1893. 35 с.
21. Параша-Сибирячка, или До Бога высоко, а до царя далеко: Историческая русская былина из времен царствования императора Александра I. М.: Издание книгопродавцов А. и В. Абрамовых. 1882. 38 с.
22. Параша Сибирячка: Роман в четырех частях из времен Екатерины Великой. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1896. 216 с.
23. Тахо-Годи М. А. «Капитанская дочка» Пушкина и «Молодая сибирячка» Ксавье де Местра. URL: http://www.darial-online.ru/2004_4/taho-god.shtml (дата обращения: 08.04.2021).
24. Федорова А. В. Капитанская дочка Прасковья Луполова // Портретная галерея повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» // Четвертые научные Пушкинские чтения. Оренбургский государственный аграрный университет, Научно-исследовательский центр истории и культуры народов Южного Урала, Историко-литературный музей «Капитанская дочка». 2013. С. 75–81.

References

1. Ponomareva A. A. Onegin'skiy kod v belletristike 1850-kh godov: k postanovke voprosa [The Onegin Code in the Fiction of the 1850s: Stating the Question]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2015, no. 3, pp. 99–105 (in Russian).
2. Ponomareva A. A. Literaturnyye syuzhetnyye kody v belletristike 1850-kh godov [Literary plot codes in 1850s fiction]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki – Bulletin of the Pskov State University. Series: Social and Humanitarian Sciences*, 2017, no. 6, pp. 65–73 (in Russian).
3. Silard L. Dantov kod russkogo simvolizma [Dante's code of Russian symbolism]. Silard L. *Germetizm i germeneytika* [Hermeticism and hermeneutics]. Saint Petersburg, 2002, pp. 162–205 (in Russian).
4. Anisimova E. E. “Dusha moroznaya Svetlany – v mechtakh tainstvennoy igry”: esteticheskiye i biograficheskiye kody Zhukovskogo v rasskaze Bunina “Natali” [“The frosty soul of Svetlana is in the dreams of a mysterious game”: Zhukovsky's aesthetic and biographical codes in Bunin's story “Natalie”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2011, no. 2 (14), pp. 78–84 (in Russian).
5. Nikolayeva E. G. Elementy koda povesti Pushkina “Pikovaya dama” v tvorchestve Dostoyevskogo. Dis. ... kand. filol. nauk. [Elements of the code of Pushkin's story “The Queen of Spades” in the work of Dostoevsky. Diss. ... cand. philol. sci.]. Tomsk, 2007. 207 p. (in Russian).
6. Nazirov R. G. *Traditsii Pushkina i Gogolya v russkoy proze. Sravnitel'naya istoriya fabul. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk* [Traditions of Pushkin and Gogol in Russian prose. Comparative history of plots. Diss. doct. of philol. sci.]. Yekaterinburg, 1995. 46 p. (in Russian).
7. Bart R. *Izbrannyye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics]. Moscow, 1989. 616 p. (in Russian).

8. Toporov V. N. *Peterburgskiy tekst russkoy literatury. Izbrannyye trudy* [Petersburg text of Russian literature. Selected works]. Saint Petersburg, 2003. 612 p. (in Russian).
9. Mednis N. E. *Sverkhteksty russkoy literatury* [Supertexts of Russian literature]. Novosibirsk, 2003. 170 p. (in Russian).
10. Puryaeva N. N. Ob odnom istochnike syuzheta povesti L. A. Charskoy “Sibirochka” [About One Source of the Plot of Lidya Charskaya’s “Sibirochka”]. *Izvestiya UrFU. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury – Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*, 2022, vol. 28, no. 1, pp. 99–106 (in Russian).
11. Savchenkova T. P. *Ishim i literatura. Vek XIX. Ocherki po literaturnomu krayevedeniyu i teksty-raritety* [Ishim and literature. XIX Century. Essays on literary local history and rarity texts]. Ishim, 2004. 312 p. (in Russian).
12. Cotten S. *Yelisaveta L*, ili Neshchastiya semeystva, soslannago v Sibir' i potom vozvrashchennago: Istinnoye proizshestviye* [Elisabeth L*, or Unhappiness of the family exiled to Siberia and then returned: The true occurrence]. Moscow, 1807. 93 p. (in Russian).
13. Ksaveriy Mestr. *Molodaya sibiryachka: Istinnoye proisshestviye* [A young Siberian: A true incident]. Perevod s frantsuskogo A. Popova [Translated from French by A. Popov], Saint Petersburg, 1840. 141 p. (in Russian).
14. Polevoy N. A. *Parasha Sibiryachka* [Parasha Sibiryachka]. *Dramaticheskkiye sochineniya i perevody N. A. Polevogo* [Dramatic works and translations of N. A. Polevoi]. Parts 1–4. Saint Petersburg, Part 1, 1842. 436 p. (in Russian).
15. Grechanaya E. P. *Literaturnoye vzaimovospriyatiye Rossii i Frantsii v religioznom kontekste epokhi (1797–1825)* [Mutual literary perception of Russia and France in the religious context of the epoch (1797–1825)]. Moscow, 2002. Pp. 186–192 (in Russian).
16. Bagno V. E. *Russkaya tema i russkiye temy v zarubezhnoy khudozhestvennoy literature (opyt sistematzatsii)* [Russian Theme and Russian Themes in Foreign Fiction (An Experience of Systematization)]. *Russkaya literatura*, 2019, no. 3, pp. 22–30 (in Russian).
17. Grutsynova A. P. “Iz Sibiri v Moskvu”: russkaya istoriya v datskom perevode [“From Siberia to Moscow”: Russian history in Danish translation]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*, 2013, no. 3 (70), pp. 48–51 (in Russian).
18. Shigayeva Ye. Yu. “Sibirskaya” opera Donitsetti [“Siberian” opera by Donizetti]. *Izrail' XXI. Muzykal'nyy zhurnal*, 2018, no. 1 (63), pp. 1–8 (in Russian).
19. *Parasha-Sibiryachka: Istoricheskaya povest'* [Parasha The Siberian: Historical happening]. Kyiv, T. A. Gubanov Publ., 1899. 108 p. (in Russian).
20. *Parasha-Sibiryachka, ili Neschastnyy “Okh!”, a za neschastnogo – Bog: Russkaya narodnaya istoricheskaya bylina iz vremen tsarstvovaniya imperatora Aleksandra I* [Parasha The Siberian, or Unfortunate – “Oh!”, And for the unfortunate – God: Russian folk historical epic from the reign of Emperor Alexander I]. Moscow, Izdaniye knigoprodavtsa E. A. Gubanov Publ., 1893. 35 p. (in Russian).
21. *Parasha-Sibiryachka, ili Do Boga vysoko, a do tsarya daleko: Istoricheskaya russkaya bylina iz vremen tsarstvovaniya imperatora Alekandra I* [Parasha The Siberian, or High to God, and far from the Tsar: Historical Russian epic from the reign of Emperor Alexander I]. Moscow, Izdaniye knigoprodavtsov A. and V. Abramovykh Publ., 1882. 38 p. (in Russian).
22. *Parasha Sibiryachka: Roman v chetyrekh chastyakh iz vremen Yekateriny Velikoy* [Parasha The Siberian: A novel in four parts from the time of Catherine the Great]. Moscow, tovarishchestvo I. D. Sytin Publ., 1896. 216 p. (in Russian).
23. Takho-Godi M. A. “Kapitanskaya dochka” Pushkina i “Molodaya sibiryachka” Ksav'ye de Mestra [“The Captain’s Daughter” by Pushkin and “The Young Siberian Woman” by Xavier de Maistre] (in Russian). URL: http://www.darial-online.ru/2004_4/tahogod.shtml (accessed April 08 2021).
24. Fedorova A. V. Kapitanskaya dochka Praskov'ya Lupolova [Captain’s daughter Praskovya Lupolov]. Portretnaya galereya povesti A. S. Pushkina “Kapitanskaya dochka”. Chetvertye nauchnyye Pushkinskiye chteniya. Orenburgskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet, Nauchno-issledovatel'skiy tsentr istorii i kul'tury narodov Yuzhnogo Urala, Istoriko-literaturnyy muzey “Kapitanskaya dochka” [Portrait gallery of A. S. Pushkin’s story “The Captain’s Daughter”. Fourth Scientific Pushkin Readings]. Orenburg State Agrarian University, Research Center for the History and Culture of the Peoples of the Southern Urals, Historical and Literary Museum “The Captain’s Daughter”. 2013. Pp. 75–81 (in Russian).

Информация об авторе

Пуряева Н. Н., доцент, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Ленинские горы, 1, стр. 51, Москва, Россия, 119991); Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне (улица Гоцзидасюэюань, дом 1, район Лунган, Даюнь-синьчэн, г. Шэньчжэнь, Провинция Гуандун, КНР 518172).

Information about the author

Puryaeva N. N., Associate Professor, Moscow State University named after M.V.Lomonosov (Leninskiye gory, 1, str. 51, Moscow, Russian Federation, 119991); Shenzhen MSU-BIT University (International University Park Road, 1, Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen, Guangdong Province, PRC, 518172).

Статья поступила в редакцию 26.03.2022; принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 26.03.2022; accepted for publication 01.06.2022